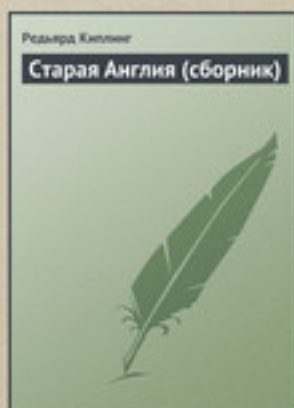

Редьярд Киплинг

Весёлый подвиг

*Часть сборника
Старая Англия (сборник)*

Редьярд Киплинг

Весёлый подвиг

«Public Domain»

1906

Киплинг Р. Д.

Весёлый подвиг / Р. Д. Киплинг — «Public Domain», 1906

«Стоял такой жаркий день, что детям не захотелось бегать по открытому месту, и Ден попросил старого Хобдена перетащить их маленькую лодочку из пруда на ручей в конце сада. На лодочке было написано краской ее имя „Дези“, но, когда дети отправлялись в экспедиции, она носила название „Золотой хвост“, или „Длинная змея“, или еще какое-нибудь подходящее прозвище. Ден цеплялся за берег багром; в этом узком ручье грести было нельзя...»

Редьярд Киплинг Весёлый подвиг

* * *

Стоял такой жаркий день, что детям не захотелось бегать по открытому месту, и Ден попросил старого Хобдена перетащить их маленькую лодочку из пруда на ручей в конце сада. На лодочке было написано краской ее имя «Дези», но, когда дети отправлялись в экспедиции, она носила название «Золотой хвост», или «Длинная змея», или еще какое-нибудь подходящее прозвище. Ден цеплялся за берег багром; в этом узком ручье грести было нельзя. Уна упиралась шестом в песок. Когда дети подплыли к очень мелкому месту («Золотой хвост» сидел на три дюйма в воде), они высадились на берег, заросший деревьями и кустами, и, ныряя под низкими ветвями, повели за собой лодку, держа в руках веревку, прикрепленную к ее носу.

В этот день они намеревались было открыть северный мыс, как «Отер – старый морской капитан» в книге, которую Уна принесла с собой; однако жара заставила их изменить план игры и отправиться путешествовать сначала по Амазонке, а позже к истокам Нила. Даже над затененной водой воздух был накален и тяжел от ароматов цветов; сквозь просветы между деревьями дети видели, что солнце, как огонь, жгло пастбище. Зимородок спал на сторожевой ветке; черные дрозды не спеша прятались от детей в соседних кустах; только стрекозы вились, трепеща крыльями, да болотные курочки перебежали с места на место, и красный адмирал, хлопая крыльями, прилетел к ручью с залитого солнцем луга, чтобы напиться.

Когда брат с сестрой дошли до Заводи Выдр, «Золотой хвост» сел на мель, а Уна и Ден улеглись под навесом из зеленых ветвей и стали смотреть, как вода просачивалась сквозь щели в плотине и как маленькие волны перескакивали через позеленевшие доски. Большая форель – дети хорошо знали ее – высунулась из воды наполовину, стараясь поймать муху, которая поплыла по воде в одну из тех минут, когда волночки ручья на мгновение набежали на мокрые валуны. В ту же минуту нежный голос лижущей камни воды снова заговорил.

– Не правда ли, кажется, будто разговаривают тени деревьев? – спросила Уна. Она перестала читать книгу и закрыла ее. Ден лежал поперек лодки, опустив руки в воду. На мели из гравия, которая тянется до половины заводи, послышались шаги, дети подняли глаза и увидели стоявшего над ними сэра Ричарда Деллингриджа.

– Ваше плавание было опасно? – с улыбкой спросил он.

– Лодка часто стучала дном о мели, сэр, – ответил Ден. – В нынешнее лето почти нет воды.

– Ах, в те времена, когда мои дети играли в датских пиратов, ручей был и глубже и шире. А вы – пираты?

– О, нет. Мы уже давно перестали играть в пиратов, – объяснила Уна. – Теперь мы почти всегда путешественники, исследователи новых земель. Знаете, мы плаваем вокруг света.

– Вокруг? – спросил сэр Ричард. Он уселся среди удобно изогнутых корней старого тиса на берегу. – Как можете вы плавать вокруг земли?

– Разве об этом не говорилось в ваших книгах? – спросил Ден. Во время последнего урока он занимался географией.

– Я не умею ни читать, ни писать, – ответил рыцарь. – А разве ты умеешь читать?

– Да, – ответил Ден, – только приходится биться с очень длинными словами.

– Изумительно! Почитай-ка мне, чтобы я мог слышать.

Ден вспыхнул, но открыл книгу и начал, правда, немного запинаясь, читать стихотворение «Открытие Северного мыса».

«Старый морской капитан Отер, который жил на Гельголанде, принес Альфреду Правдивому белоснежный рог нарвала».

– Я это знаю! Это старая песня. Я слышал, как ее пели! Какое чудо! – прервал мальчика сэр Ричард. – Нет, читай дальше. – Он наклонился; тень от листьев скользила по его кольчуге.

«Я пахал землю на лошадях, но мое сердце было беспокойно, потому что ко мне часто приходили старые мореплаватели со своими морскими сагами», – читал Ден.

Рука рыцаря опустилась на эфес его большого меча.

– Это правда, – произнес он, – то же было и со мной, – и, слушая стихи, он отбивал такт.

«Я плыл все к югу и попал в безымянное море», – читал Ден.

– В безымянное море, – повторил сэр Ричард. – Так было со мной... Так было с Гугом и со мной.

– А куда вы плыли? Расскажите, – попросила рыцаря Уна.

– погоди. Дай мне дослушать.

И Ден дочитал поэму до самого конца.

– Отлично, – сказал рыцарь. – Это рассказ о древнем капитане Отере, я слыхивал, как матросы на датских кораблях пели эту песню. Правда, там были немного другие слова, но смысл был тот же самый.

– Вы когда-нибудь изучали север? – спросил Ден и закрыл книгу.

– Нет, я бывал на юге. Мы с Гугом, а также с Виттой и его язычниками, побывали так далеко на юге, как никто другой.

Рыцарь поставил свой меч перед собой и оперся на него обеими руками; его взгляд был устремлен вдаль.

– А я думала, что вы всегда жили здесь, – робко заметила Уна.

– Да, пока была жива моя леди Элива. Но она умерла. Она умерла. Видя, что мой старший сын уже взрослый, я попросил Жильбера де Аквила позволить мне отдать под его охрану замок, а самому отправиться путешествовать или совершить паломничество... чтобы забыть свое горе. Де Аквила, которого второй Вильям сделал стражем Певнсея вместо графа Мортонна, в то время был очень стар, но все еще ездил на своих высоких чалых конях и, сидя в седле, походил на маленького белого сокола. Когда Гуг, живший вот там, в замке Даллингтон, услышал, что я задумал, он послал за моим вторым сыном, которого он, как человек неженатый, сделал своим наследником. С позволения Жильбера Орлиного Гуг поручил моему второму сыну охранять его дом и земли на время своего отсутствия, сам же поехал со мной.

– В какое время это было? – спросил Ден.

– На твой вопрос я могу ответить с большой точностью, потому что, когда мы с Гугом и с де Аквила оставили позади себя Певнсей (не помню, говорил ли я вам, что Орлиный был лордом Певнсея), направляясь к бордоскому кораблю, который ежегодно доставлял ему вина из Франции, к нам подбежал человек с долин, крича, что он видел огромного черного козла, несшего на своей спине тело короля, и что этот козел разговаривал с ним. В этот же самый день Вильям Красный, или, как его звали бургундцы, – Вильгельм, сын нашего короля Завоевателя, умер от тайно пущенной в него во время охоты стрелы.

– Скверно, – сказал де Аквила, – когда такие вещи слышишь в самом начале путешествия. Если Красный Вильгельм умер, мне, может быть, придется мечом охранять мои земли. Погодите немного.

Леди Элива умерла, а потому меня несколько не пугали знамения и предвестия; равнодушно относился к ним и Гуг. Мы сели на палубу винного корабля, собираясь отплыть на нем в Бордо, но, когда еще был виден Певнсей, ветер стих; нас окутал густой туман, и морское течение понесло наше судно к западу. На палубе больше всего было купцов, возвращавшихся во Францию; груз состоял из шерсти, к перилам были привязаны три пары крупных охотничьих собак. Они принадлежали рыцарю из Артуа. Я не знал его имени, но на его щите были золотые

полосы по красному полю, и он хромал так же сильно, как я теперь, от раны, полученной им в юности при осаде Манта. Он служил герцогу Бургундскому, бился под его командой с испанскими маврами и теперь, взяв своих собак, снова возвращался на эту войну. В первую же ночь он спел нам несколько странных мавританских песен и чуть не уговорил нас отправиться с ним. Я хотел ехать на поклонение святыням, чтобы забыться... но паломничество не приносит забвения. Я думаю, я отправился бы с ним, но...

Посмотрите, до чего меняется жизнь, до чего неожиданно поворачивается судьба человека! К утру датский корабль, который шел тихо, почти беззвучно на веслах, в тумане столкнулся с нами; наше судно сильно качало, и Гуг, наклонившийся через перила, упал за борт. Я прыгнул за ним, и мы оба попали на датскую палубу; раньше, чем мы могли подняться, нас схватили и связали. Наше судно поглотил туман. Я полагаю, рыцарь с золотыми полосами накинул на морды своих собак плащ, чтобы они не залаяли и не выдали купцов; действительно, я слышал, как лай псов внезапно прекратился.

Мы, связанные, пролежали до утра между скамьями; утром же датчане вытащили нас на верхнюю палубу, бросили близ руля, и их капитан, по имени Витта, ногой перевернул нас обоих. Его руки, от локтей до подмышек, украшали браслеты; его рыжие волосы были длинны, как у женщин, и, заплетенные в косы, падали на его плечи. Этот толстый, длиннорукий человек стоял на кривых ногах. Он отнял у нас все, что мы имели, но едва взяв меч Гуга и увидев руны на его лезвии, быстро отбросил это чудесное оружие. Тем не менее жадность пересилила его, он два раза пробовал взять меч, в третий же меч запел так громко и гневно, что даже гребцы легли и стали слушать. Потом все заговорили сразу, вскрикивая, как чайки; на палубу вышел желтый человек, такой, каких я никогда прежде не видывал, и перерезал наши веревки. Он был совсем желтый, не от болезни; это у него было природное: желтый, как медь, и глаза его сидели косо.

– То есть как? – спросила Уна, опустив свой подбородок.

– Вот так, – сказал сэр Ричард. Он приложил по пальцу к внешнему углу каждого глаза, потянул кожу вверх, и его глаза превратились в узкие щелочки.

– Вы совсем похожи на китайца, – заметил Ден. – Этот человек был китаец?

– Я не знаю, что такое китаец. Витта нашел его, полумертвого, на одном из ледяных берегов Московии. Мы с Гугом считали его дьяволом. Он низко присел перед нами и подал нам пищу на серебряном блюде, которое эти морские волки, конечно, украли из какого-нибудь богатого аббатства; Витта же собственноручно напоил нас вином. Он немного говорил по-французски, немного на южносаксонском наречии и довольно хорошо на языке норманнов. Мы попросили его выпустить нас на берег, обещая ему большой выкуп и уверяя, что таких денег он не получит, продав нас маврам... как это однажды случилось со знакомым мне рыцарем.

– Нет, клянусь головой моего отца, Гутрума, – сказал он, – боги послали вас на мой корабль для жертвоприношения.

Услышав это, я задрожал, зная, что датчане все еще приносили пленников в жертву своим богам, чтобы те даровали мореплавателям хорошую погоду.

– Чума пади на твои четыре длинные кости, – сказал Гуг. – Какой тебе прок от бедных старых пилигримов, которые не могут ни работать, ни сражаться?

– Боги сохраняют меня от того, чтобы я стал биться с тобой, бедный пилигрим, обладающий поющим мечом, – ответил он. – Останься с нами и не будь больше беден. Твои зубы редки, а это верный признак, что тебе суждено много путешествовать и разбогатеть.

– А что, если мы не захотим остаться с вами? – спросил Гуг.

– Плывайте по морю к Англии или к Франции, – произнес Витта. – Мы как раз между двумя странами. Но знайте, если вы сами не захотите утопиться, ни один волос не упадет с ваших голов на нашей палубе. Мы считаем, что вы приносите нам счастье, и я знаю, что на этом мече хорошие руны.

Он повернулся и приказал своим людям поднять паруса.

С этой минуты, когда мы расхаживали по кораблю и осматривали его, все расступались перед нами. А судно это стоило внимания: его наполняли чудеса.

– Что это был за корабль? – спросил Ден.

– Длинный, низкий, узкий. На нем стояла одна мачта с красным парусом; пятнадцать весел с каждой стороны двигали его, – ответил рыцарь. – На его носу находилась одна палуба, под которой могли лежать люди, на корме другая, и раскрашенная дверь отделяла эту часть судна от скамей гребцов. Под кормовой палубой спали мы с Гугом, Витта и желтый человек; постелями нам служили мягкие ковры. Я помню, – рыцарь засмеялся про себя, – как мы вошли туда в первый раз и услышали громкие восклицания: «Мечи наголо! Мечи наголо! Смерть, смерть, смерть!» Мы вздрогнули; заметив это, Витта засмеялся и показал нам говорящую серую птицу, с сильным клювом и с красным хвостом. Он посадил ее себе на плечо, и она хриплым голосом попросила у него хлеба и вина, потом сказала, чтобы он поцеловал ее. А все-таки это была просто глупая птица. Но вы, кажется, знаете, в чем дело?

Рыцарь посмотрел на улыбающихся детей.

– Мы не над вами смеялись, – ответила Уна. – Это, должно быть, был попугай. Все, о чем вы рассказывали, делает наша Полли.

– Впоследствии мы узнали про птицу. Но вот другое чудо. У желтого человека (его звали Китаи) была коричневая шкатулка. В шкатулке стояла синяя чашка с красными знаками по краям, а в чашке, на тонкой нитке, висел кусочек железа, не толще вот такого стебелька травы и длиной, пожалуй, с мою шпору, только совсем прямой. По словам Витты, в железе сидел злой дух, которого Китаи силой чар увел из его страны, находившейся на три года пути к югу. Злой дух и день и ночь стремился вернуться к себе домой, а потому, видите ли, железная палка постоянно указывала на юг.

– На юг? – спросил Ден и внезапно опустил руку в карман.

– Я видел это собственными глазами. Каждый день с утра до вечера, даже если корабль качался, даже если солнце, луна или звезды были скрыты облаками, сидевший в железе слепой дух знал, куда ему хотелось идти, и поворачивал конец железки в сторону юга. Витта называл стрелку мудрым железом, потому что она указывала ему дорогу через неведомые моря.

Сэр Ричард снова пристально посмотрел на детей.

– Ну, как вы думаете? Было это волшебство?

– То, о чем вы говорите, походило на это? – спросил Ден и вытащил из кармана свой старый медный компас, который всегда хранился там с перочинным ножом мальчика и его кольцом для ключей. – Стекло-то лопнуло, но стрелка в порядке, сэр.

Рыцарь от изумления глубоко вздохнул.

– Да, да. Мудрое железо дрожало и висело совершенно таким же образом. Ну, стрелка спокойна; теперь она показывает на юг.

– На север, – поправил его Ден.

– Нет, на юг. Здесь юг, – сказал сэр Ричард. И оба засмеялись, потому что, конечно, раз один конец прямой стрелки компаса показывает на север, другой должен указывать на юг.

– Те, те, те, – протянул сэр Ричард, прищелкивая языком. – Раз ребенок может носить эту штуку в кармане, в ней нет никакого волшебства. А зачем и почему стрелка указывает на юг... или на север?

– Папа говорит, что этого никто хорошенько не знает, – ответила Уна.

Сэр Ричард вздохнул с облегчением.

– Значит, все-таки в мудрой палочке может быть волшебство. Для нас она была волшебством. Так мы путешествовали. Когда дул попутный ветер, мы поднимали парус и все лежали вдоль подветренной стороны галеры и щитами защищали себя от брызг. Когда ветер был неблагоприятный, гребцы работали длинными веслами, желтый человек сидел подле своего мудрого

железа, Витта правил рулем. Сначала я боялся больших волн с белыми гребнями, но, увидев, как благоразумно Витта вел по ним свой корабль, я сделался смелее. Гугу с самого начала понравилось плавание. Мое искусство не годится для воды, и подводные скалы или водовороты, в которых весла попадают на утесы и ломаются, мне совсем не по нутру. Море бушевало; мы плыли к югу и раз при лунном свете, который пробивался между косматыми, разорванными облаками, видели, как фламандский корабль перевернулся килем вверх и утонул. Гуг работал с Виттой всю ночь, я же лежал под палубой подле говорящей птицы и мне было все равно, останусь ли я жив или умру. В море мучает болезнь, которая целых три дня – хуже смерти. Когда мы увидели землю, Витта сказал, что это Испания. Мы остановились в море. Подле испанского берега сновало множество кораблей, которые помогали герцогу воевать с маврами; мы боялись, что нас повесят солдаты герцога или мавры продадут в рабство. Поэтому мы зашли в одну известную Витте маленькую гавань. Вечером с гор спустились люди с нагруженными мулами; Витта отдал им свой северный янтарь за маленькие железные слитки и за бусы, лежавшие в глиняных сосудах. Горшочки он спрятал под палубами, железо же положил на дно, выкинув предварительно камни и гравий, до тех пор служившие нам балластом. Он брал также вина в обмен на куски сладко благоухавшей серой амбры; маленький ее кусочек, не больше ногтя большого пальца, стоил бочку вина. Но я говорю, точно купец.

– Нет, нет, пожалуйста. Скажите нам, что вы кушали? – спросил Ден.

– Витта взял из Испании сушеного на солнце мяса, сушеной рыбы, молотых бобов, кроме того, засахаренных мягких плодов, которые так любят мавры; вкусом они похожи на мякоть винных ягод, но в каждом из них по тонкой длинной косточке. Ага, это были финики, я вспомнил!

Корабль нагрузили. «Теперь, – сказал Витта, – советую вам, чужестранцы, помолиться вашим богам, потому что с этой минуты мы двинемся туда, где еще не бывали люди».

Он и его люди принесли в жертву своим богам черного козла; желтый человек откуда-то достал маленького, улыбающегося идола из темно-зеленого камня и зажег перед ним благовония. Мы с Гугом поручили себя Господу Богу, святому Варнаве и Богоматери из церкви Вознесения, которой особенно часто молилась моя леди. Мы уже не были молоды, но мне кажется, не стыдно сказать, что, когда мы вышли на заре из маленькой тайной гавани и двинулись по тихому морю, нам с Гугом стало весело и мы запели, как певали старые рыцари, следуя за нашим великим герцогом в Англию. Между тем нашим вождем был языческий пират; весь наш горделивый флот составляла одна опасно перегруженная галера; предводителем войск был языческий колдун и стремились мы к гавани за пределами мира. Витта сказал нам, что его отец, Гутрум, однажды прошел на веслах вдоль берегов Африки и приплыл к земле, в которой обнаженные люди давали золото в обмен на железо и бусы; в этой стране он накупил много золота, немало также и слоновьих клыков. Туда-то с помощью мудрого железа теперь направлялся и Витта. Этот человек не боялся ничего, кроме бедности.

– Мой отец говорил мне, – обратился к нам Витта, – что от того берега тянется огромная мель, простираясь на три дня пути; южнее стоит лес, растущий в море. Южнее и восточнее этого леса мой отец видел место, где люди прятали золото в свои волосы. Но, по его словам, эту страну населяли дьяволы, живущие на деревьях, и убивали людей, отрывая им руки и ноги. Ну, что вы думаете?

– Золото или не золото, – ответил Гуг, поглаживая свой меч, – перед нами веселый подвиг. Двигайся к твоим дьяволам, Витта!

– Подвиг! – с горечью пробормотал Витта. – Ведь я только бедный морской вор! Я вверяю мою жизнь плавучей доске не ради удовольствия или подвигов. Если только мне удастся вернуться в Ставангер и почувствовать, как руки моей жены обвиваются вокруг моей шеи, я не буду стремиться к новым подвигам. Судно требует больших забот, чем жена или домашний скот.

Он соскочил с палубы к скамейкам гребцов и стал упрекать их, говоря, что сил у них мало, а желудки огромные. В бою Витта был волк, а по хитрости – лисица.

Буря прогнала нас на юг; три дня и три ночи наш вождь держал в руках кормовое весло и ловко вел по морю свой длинный корабль. Когда галера начала качаться сверх меры, Витта разбил над морем бочку с китовым жиром, и вода успокоилась; в этой масляной полосе он повернул галеру носом к ветру и выбросил за борт привязанные к концу веревки весла; таким образом, по его словам, он устроил особенный якорь, на котором мы, правда, страшно качались, но нас не заливало. Отец Витты, Гутрум, научил его этой штуке. Он знал также лекарскую книгу Больда, умного врача; знал также корабельную книгу, написанную некоей женщиной по имени Хлаф. Он знал все, что касается корабля.

После бури мы увидели гору со снежной вершиной, которая поднималась выше облаков. Под горой растёт трава; сваренная, она служит отличным средством против боли в деснах и опухоли на щиколотках. Близ горы мы пробыли восемь дней; потом прибежали люди, одетые в шкуры, и стали бросать в нас камни. Мы ушли; скоро стало очень жарко, и Витта натянул на согнутые палки над гребцами полотно; приходилось идти на веслах, потому что между островом с горой и африканским берегом ветра не было. Берег покрыт песком, и мы плыли на расстоянии трех полетов стрелы от него.

Мы видели китов, рыб в каких-то щитах и длиннее, чем наша галера. Некоторые из них спали; некоторые открывали на нас рты, некоторые прыгали по горячим волнам. Опустив руку в воду, мы чувствовали ее теплоту; небо затягивал теплый серый туман, и по утрам из него сыпалась мелкая пыль, от которой белели наши волосы и бороды. В этом же месте мы видели рыб, взлетающих на воздух, как птицы. Они падали на колени гребцов; выйдя на берег, мы изжарили и съели их.

Рыцарь посмотрел на детей, чтобы увидеть, сомневаются ли они в его словах, но Ден и Уна только кивнули головками и сказали: «Рассказывайте».

– С левой стороны от нас виднелась желтая суша; с правой – серое море. Несмотря на мое рыцарское достоинство, я вместе с гребцами работал веслом; в то же время ловил морские водоросли, сушил их и засовывал между горшочками с бусами, чтобы они не разбивались. Видите ли, рыцарство для земли; на море же человек все равно что всадник без шпор, сидящий на лошади без узды. Я научился завязывать на канатах крепкие узлы... да, да, и соединять два конца каната таким образом, что даже Витта с трудом разбирал, в каком месте они срослены. А все-таки в морском деле Гуг был в десять раз искуснее меня. Витта поручил ему заведовать всеми гребцами с левой стороны. Торкильд из Боркума, человек со сломанным носом, носивший норманнский стальной шлем, смотрел за правыми гребцами; те и другие старались превзойти друг друга и громко пели. Они видели, что на галере никто не ленился. Поистине, как говорил Гуг, вызывая смех Витты, корабль требует больше забот, чем замок.

Почему? А вот почему. Нужно было приносить с берега воды, если мы находили ее, а также дикие плоды, сочную траву и песок, которым мы терли палубы и скамьи, чтобы они оставались гладки и опрятны. Иногда мы вытаскивали галеру из воды на низкие острова, вынимали из нее все, даже железные бруски, тростниковыми факелами сжигали траву, которая выросла на ней, курили под палубами тростником, намоченным в соленой воде, как предписывала Хлаф, женщина, в своей корабельной книге. Раз, когда мы, раздетые, работали таким образом и наша галера лежала, опираясь на свой киль, птица закричала: «Мечи наголо!», точно видя врага. Витта сказал, что он свернет ей шею.

– Бедный попка! И он это сделал? – спросила Уна.

– Нет. Она была корабельная птица и знала имена всех гребцов... Это были хорошие дни для человека, потерявшего жену; хорошо жилось мне с Виттой и его язычниками, где-то там, на краю света. Прошло много недель; наконец, мы пришли к большой мели, которая, как говорил отец Витты, тянулась далеко в море. Мы двинулись по ее краю, и скоро головы

у нас закружились и в ушах у нас зазвенело: столько мелей явилось перед нами, и так громко разбивались о них волны. Когда мы снова подошли к земле, то увидели в лесах обнаженных черных людей. За один брус железа они нагружали наше судно фруктами, травой и яйцами. Витта смотрел на них и почесывал себе голову, показывая этим, что ему хотелось бы купить у них золота. Золота у чернокожих не оказалось, но они поняли знак Витты (все продавцы золота прячут этот товар в своих черных волосах) и стали указывать дальше вдоль берега. Они также колотили себе по груди сжатыми кулаками, и это был дурной знак, но мы его не понимали.

– Что же он значил? – спросил Ден.

– Терпение! Сейчас услышите. Мы шли к востоку шестнадцать дней (считая время по зарубкам, которые мечом сделали на рулевых перилах) и вот увидели лес в море. Деревья росли прямо из ила, поднимаясь, как на арках, на тонких и высоких корнях; в темноте под ними извивалось много илистых водяных дорог. В этом месте для нас исчезло солнце. Мы двинулись по извилистым каналам между деревьями и там, где не могли грести, хватались за корни и таким образом двигали наше судно. Вода была гнилая, и большие блестящие мухи терзали нас. Утром и вечером над илом поднимался синий туман, который приносил лихорадку. Четверо из наших гребцов заболели, их пришлось привязать к скамьям, не то они прыгнули бы через борт галеры, и чудовища ила пожрали бы их. Желтый человек лежал больной подле мудрого железа; он переворачивал голову с одной стороны на другую и бормотал что-то на своем родном языке. Хорошо себя чувствовала только птица. Она сидела на плече Витты и громко вскрикивала среди этой молчаливой, но полной странных звуков темноты. Знаете ли, мне кажется, мы больше всего боялись молчания.

Рыцарь замолчал, прислушиваясь к приятному, спокойному, родному говору ручья.

– Мы потеряли счет времени, двигаясь по этим темным коридорам и плесам, и вот однажды услышали очень отдаленный бой барабана; после этого мы скоро попали в широкую темную реку; в этом месте стояли хижинки, а вокруг них было расчищенное место, занятое полями тыква. Мы поблагодарили Бога при виде солнца. Народ, живший в дикой деревне, ласково приветствовал нас. Глядя на черных, Витта почесал себе голову (прося золота) и показал им железо и бусы. Они прибежали на берег, – мы не сходили с корабля, – стали указывать на наши мечи и луки, потому что, подходя к берегу, мы всегда вооружались. Скоро они принесли много золота в слитках, а также золотого песка и несколько огромных потемневших слоновых бивней. Все эти вещи они сложили на берегу, точно соблазняя нас, потом стали как бы наносить удары в битве, указывая нам на вершины деревьев и на темневший позади хижин лес. Их предводитель или главный колдун заколотил себя кулаками по груди и заскрипел зубами.

Тогда Торкильд из Боркума сказал:

– Не хотят ли они заставить нас сражаться с ними за это золото и слоновую кость? – И он наполовину обнажил свой меч.

– Нет, – ответил Гуг. – Я думаю, они просят нас вместе с ними идти против каких-то врагов.

– Ну, это мне не нравится, – произнес Витта. – Скорее на середину реки.

Мы так и сделали и сидели неподвижно, наблюдая за тем, как черные люди складывали на берегу золото. До нас снова донесся барабанный бой; все черное население кинулось в свои хижины, оставив золото без присмотра.

Сидевший на носу Гуг безмолвно протянул руку, и мы увидели, как из лесу вышел огромный дьявол. Он прикрывал свой лоб рукою и облизывал губы розовым языком, вот так.

– Дьявол! – с ужасом и восторгом повторил Ден.

– Да. Он был больше рослого человека и покрыт рыжеватой шерстью. Посмотрев на наш корабль, дьявол принялся колотить себя в грудь кулаками, так что она зазвучала, как барабан; потом подошел к краю берега и, глядя на нас, заскрипел зубами. Гуг пустил в него стрелу; она пронзила горло дьявола, и он с ревом повалился на землю; из леса выбежали еще трое

дьяволов; они тотчас унесли раненого на высокое дерево и скрылись. Через несколько минут на землю упала окровавленная стрела, и в листве раздался стон и вой. Витта видел все это, видел и золото, и ему очень не хотелось оставлять его.

– Сэры, – сказал он (до этого мгновения никто не произнес ни слова), – вон лежит то, зачем мы приплыли издалека и с таким трудом; золото у нас под рукой. Приблизимся к берегу, пока дьяволы воют и жалуются, и постараемся унести столько золота, сколько будет возможно.

Да, смел, как волк, и хитер, как лисица, был Витта! Он поставил на переднюю палубу четырех лучников, поручив им стрелять в дьяволов, если те соскочат с дерева, которое росло близ берега. С каждой стороны он посадил по десяти гребцов и велел им смотреть на его руку, наблюдая, гребет ли она вперед или назад; таким образом, он подвел галеру к берегу.

Но никто не хотел высадиться на землю, хотя золото лежало всего в десяти шагах от реки. Никто не торопился идти навстречу смерти. Гребцы повизгивали над своими веслами, точно побитые собаки, а Витта от ярости кусал себе пальцы.

Вдруг Гуг сказал: «Слушайте!»

Сначала нам показалось, что над водой жужжат блестящие мухи, но звук становился все громче и ожесточеннее, теперь его слышали решительно все.

– Что это было? – в один голос спросили Ден и Уна.

– Меч. – Сэр Ричард погладил гладкий эфес. – Он пел, как датчанин поет перед битвой.

– Я иду, – сказал Гуг, прыгнул через борт и попал в середину золота. Мне было страшно до мозга костей, но от стыда я кинулся за ним; за мной бросился и Торкильд. Больше не пошел никто.

– Не осуждайте меня! – крикнул Витта с галеры. – Я должен остаться на моем корабле. – Но у нас троих не было времени порицать его или хвалить. Мы наклонились над золотом и перекидывали его на галеру; каждый из нас работал одной рукой, другой держался за эфес, и все поглядывали на дерево, которое нависло над нами.

Я, право, не знаю, как и когда дьяволы соскочили на землю и как начался бой. Я услышал восклицание Гуга: «Мечи наголо, наголо!» – точно он был опять при Гастингсе. В ту же секунду огромная волосатая рука сбила с головы Торкильда его стальной шлем, а мимо моего уха просвистела стрела, пущенная с галеры. Говорят, пока Витта не пригрозил гребцам мечом, он не мог заставить их пристать к берегу; потом каждый из четырех лучников сказал мне, что именно Витта пронзил стрелой дьявола, который дрался со мной. Я не знаю. Я бился в кольчуге, и она защищала мою кожу. Длинным мечом и кинжалом я сражался не на жизнь, а на смерть с дьяволом, ноги которого походили на руки. Он кружил меня и толкал то вперед, то назад, точно сухую ветку. Вот он схватил меня поперек туловища и прижал мои руки к бокам, в это мгновение стрела с корабля пронзила его между лопатками, и его огромные руки разжались. Я дважды проткнул его мечом, и он скорчился, наклонив голову между своими длинными руками, закашлялся и застонал. После этого я увидел Торкильда; он, простоволосый, улыбаясь, прыгал перед дьяволом, который тоже кидался из стороны в сторону и скрипел зубами. Гуг левой рукой рубанул этого волосатого колдуна, и в моем мозгу мелькнул вопрос – почему я не замечал раньше, что Гуг левша. Больше я ничего не видел, пока не почувствовал на своем лице брызг. Я открыл глаза. Светило солнце, мы были в открытом море. Я очнулся через двадцать дней после боя с дьяволами.

– А что произошло во время этой борьбы? Гуг умер?

– Никогда крещенные люди не вели такого боя, – ответил сэр Ричард. – Стрела с галеры спасла меня от дьявола; Торкильд из Боркума отступил от своего волосатого врага и подвел его так близко к берегу, что лучники могли стрелять в злое существо. Бившийся с Гугом дьявол был хитер: он спрятался за деревьями, и ни одна стрела не могла его поразить. Там, один на один, действуя мечом и руками, Гуг убил его, но, умирая, страшное создание сжало зубами меч моего друга. Посудите сами, что это были за зубы.

Сэр Ричард опять повернул меч, чтобы дети могли видеть две большие впадины по обеим сторонам лезвия.

– Те же самые зубы сомкнулись на правой руке Гуга и укусили его за бок, – продолжал сэр Ричард. – Что случилось со мной? О, у меня была только сломана нога, и я заболел лихорадкой. Дьявол откусил ухо Торкильду; рука и бок Гуга совсем высохли. Я смотрел, как он лежал и сосал сочный плод, держа его левой рукой. Он исхудал до костей; в его волосах появились белые пряди; по кисти его руки бежали голубые вены, точно у женщины. Однажды он обнял мою шею левой рукой и прошептал:

– Возьми мой меч. Он твой со времени Гастингса, мой брат; теперь я не буду в состоянии держать его в руках.

Мы с ним лежали на высокой палубе и разговаривали о Сент-Леке и, кажется, о каждом дне, прошедшем с тех пор; наконец, оба заплакали. Я страшно ослабел, а он превратился чуть ли не в тень.

– Полно, полно, – сказал нам Витта, управлявший рулем. – Золото – отличная правая рука для человека. Полюбуйтесь им!

И он велел Торкильду показать нам золото и слоновые бивни, точно мы были детьми. Витта увез все золото, которое было сложено на берегу, и еще вдвое больше; его щедро наградили черные люди за то, что мы перебили так много дьяволов. Они поклонялись нам, как божествам, и Торкильд рассказал мне, что одна из старух заживила бедную руку Гуга.

– А сколько золота вы получили? – спросил Ден.

– Могу ли я это сказать? Мы приплыли к стране дьяволов и под ногами наших гребцов лежало железо; вернулись же мы с золотом, спрятанным под досками. С нами также был золотой песок в тюках; мы прятали их в том месте, где спали, держали вдоль бортов, а под скамьями привязали потемневшие слоновые бивни.

– Но все-таки я охотнее сохранил бы правую руку, – осмотрев все, заметил Гуг.

– Ай, ведь беда случилась по моей вине, – сказал Витта. – Мне следовало взять с вас выкуп и посадить вас во Франции, когда десять месяцев тому назад вы попали на мою галеру.

– Теперь немного поздно сожалеть об этом, – со смехом произнес Гуг.

Витта подергал свою длинную косу.

– Но подумайте, – продолжал он. – Если бы я отпустил вас, – чего, клянусь, я ни за что не сделал бы, так как люблю вас больше, чем родных братьев, – так, если бы я отпустил вас, вы, может быть, давно уже умерли бы страшной смертью от руки какого-нибудь мавра, сражаясь с бургундским герцогом; вас зарезали бы мавры или вы погибли бы от чумы в жалкой гостинице. Думай об этом, Гуг, и не слишком упрекай меня. Смотри. Я возьму только половину золота.

– Да я совсем не упрекаю тебя, Витта, – ответил ему Гуг. – Это был замечательный подвиг, и мы, тридцать пять человек, сделали то, чего еще никогда не совершали люди. Если я доживу до Англии, я выстрою укрепление над Даллингтоном, затратив на это мою часть денег.

– А я куплю скот, янтарь и теплое красное сукно для моей жены, – сказал Витта, – и мне будет принадлежать вся земля над фиордом Ставангер. Теперь многие захотят сражаться за меня. Однако прежде всего нам нужно повернуть на север, и я горячо желаю, чтобы мы не повстречали пиратов; ведь мы везем честно приобретенное сокровище.

И мы действительно были осторожны, боясь потерять хоть одну крупницу золота, за которое сражались с дьяволами.

– Где же колдун? – спросил я однажды, видя, что Витта смотрит на мудрое железо, а желтого человека нигде нет.

– Он отправился к себе на родину, – ответил Витта, – в ту ночь, когда мы выходили из леса, он внезапно поднялся и сказал, что за деревьями видит свою страну, прыгнул в илистую воду и, когда мы позвали его, не ответил нам. Ну и мы перестали его звать. Он оставил мудрое железо, а только оно-то мне и нужно; и, видишь, дух по-прежнему указывает на юг.

Мы опасались, что мудрое железо обманет нас, так как желтый человек ушел; когда же заметили, что дух продолжает нам служить, стали бояться слишком сильных ветров, мелей, беспечно прыгающих рыб и всех людей на всех берегах, к которым мы приставали.

– Почему же? – спросил Ден.

– Да потому, что у нас было золото, наше золото. Золото совершенно меняет людей. Прежним остался только Торкильд из Боркума. Он смеялся над Виттой и его опасениями; смеялся над нами, когда мы советовали Витте убирать паруса, хотя галера почти не качалась.

– Право, лучше утонуть свободным, – поговаривал Торкильд, – чем чувствовать себя привязанным к тюкам с золотым песком.

Он не имел земли и в прежнее время был рабом какого-то восточного властителя. Ему хотелось выковать из золота толстые обручи и обить ими весла и корму.

Несмотря на то что Витта тревожился из-за золота, он, как женщина, ухаживал за Гугом, когда галера качалась, поддерживал его плечом и натянул от одного ее борта к другому веревки, чтобы Гуг мог держаться за них. По его словам, да и по словам его воинов, без Гуга они никогда не добыли бы золота. Я помню, что Витта сделал тонкое золотое колечко, и с этих пор наша птица часто качалась на нем.

Три месяца мы то гребли, то шли на парусах, то высаживались на берег, чтобы добыть плодов или вычистить наш корабль. Когда мы увидели диких всадников, гарцевавших между песчаными дюнами, потрясая копьями, мы поняли, что достигли мавританского берега и находимся на севере Испании. Сильный юго-западный ветер в десять дней принес нас к берегу, покрытому высокими красными скалами; мы услышали пронесшийся над золотистым дроком звук охотничьего рога и поняли, что это Англия.

– Теперь сами добирайтесь до вашего Певнсея, – сказал нам Витта, – я не люблю узких, наполненных кораблями морей.

Он прикрепил посоленную и высушенную голову дьявола, которого убил Гуг, высоко над нашей палубой, и при виде ее все суда отплывали от нас. А все-таки, думая о нашем золоте, мы боялись их больше, чем они нас. Ночью мы ползали по берегу, пока не увидели меловых утесов восточнее Певнсея. Витта не захотел высадиться вместе с нами, хотя Гуг обещал ему в Даллингтоне столько вина, что он мог бы в нем плавать. Нет, Витта стремился поскорее увидеться со своей женой; он после заката ввел галеру в устье реки и простился с нами, оставив нам нашу часть золота; с отливом он ушел. Витта не дал нам никаких обещаний, не произнес клятвы, не ждал от нас благодарности, но Гугу, человеку без руки, и мне, старому калеке, которого он без труда мог бросить в море, подавал слиток за слитком, тюк за тюком золота и золотого песка и прекратил это занятие, только когда мы сказали ему, что нам достаточно золота. Витта наклонился над перилами, чтобы проститься с нами, снял браслеты со своей правой руки, надел их на левую руку Гуга и поцеловал его в щеку. Помнится, тогда мы чуть не заплакали. Правда, Витта был язычник и пират, правда, в течение многих месяцев он силой держал нас на своем судне, но я любил этого кривоногого, синеглазого человека за его великую отвагу, за его хитрость, искусство, главное же – за простоту.

– А он счастливо добрался к себе? – спросил Ден.

– Я так и не узнал этого. Мы видели, как в серебристой лунной дорожке он поднял парус и двинулся прочь, и я горячо помолился, чтобы наш Витта увидел своих детей и жену.

– А что сделали вы?

– Мы до утра пробыли на берегу. Потом я остался с золотом, завернутым в старый парус, а Гуг пошел в Певнсей. Де Аквила прислал нам лошадей.

Сэр Ричард скрестил руки на эфесе своего меча и устремил взгляд на тихую реку, прикрытую мягкими вечерними тенями.

– Золотой груз, – сказала Уна, глядя на свою маленькую лодочку. – Но я рада, что не видела дьяволов.

– Я не верю, что это были дьяволы, – шепнул ей Ден.

– А? – произнес сэр Ричард. – Отец Витты говорил ему, что это были несомненно дьяволы. Следует верить своему отцу, а не чьим-либо детям. Кто же, по-твоему, мои дьяволы?

Ден ярко вспыхнул.

– Я... я только думал... – забормотал он. – У меня есть книга, которая называется «Охотники за гориллами»... это продолжение «Кораллового острова», сэр... И в ней говорится, что гориллы (это такие большие обезьяны, сэр, знаете) всегда перекусывали железо.

– Нет, не всегда, – поправила брата Уна, – только два раза. – Дети читали «Охотников за гориллами» в саду.

– Ну, все равно, во всяком случае, гориллы колотили себя по груди, как показывал сэр Ричард, а потом уж бросались на людей... И они строят дома на деревьях.

– А-а? – произнес сэр Ричард и широко открыл глаза. – Наши дьяволы устраивали дома вроде плоских гнезд и там лежали их чертенята и смотрели на нас. Я не видал их (ведь я заболел после боя), но об этом мне говорил Витта... И оказывается, вы знаете это? Изумительно! Неужели же наши дьяволы были просто обезьяны, строящие себе гнезда? Неужели в мире больше нет волшебства?

– Я, право, не знаю, – сконфуженно ответил Ден. – Я видел, как один человек вынимал кроликов из своей шляпы, и он сказал нам, что, если мы будем смотреть хорошенько, мы разглядим, как он это делает. И мы смотрели...

– Но ничего не разглядели, – со вздохом сказала Уна. – А вот и Пек.

Коричневый человечек с улыбающимся лицом выглянул между двумя тисовыми стволами, кивнул головой и скользнул с берега в темную прохладу.

– Нет волшебства, сэр Ричард? – со смехом сказал он и дунул на головку сорванного им одуванчика.

– Дети сказали мне, что мудрое железо Витты – игрушка. Мальчик носит в кармане точно такое же железо. Они уверяют, что наши дьяволы были совсем не дьяволы, а обезьяны гориллы, – с негодованием произнес сэр Ричард.

– Это волшебство книг, – сказал Пек. – Я же тебя предупреждал, что они умные дети. Все могут стать мудрыми, читая книги.

– А разве книги всегда правдивы? – спросил сэр Ричард и нахмурился. – Я недолюбливаю чтение и письмо.

– Да-а, – сказал Пек, держа в руке облысевшую головку одуванчика. – Но, если бы мы повесили всех, кто пишет ложь, почему де Аквила не начал бы с Жильбера, писца? Тот был достаточно лжив.

– Бедный лживый Жильбер! А все-таки по-своему он был смел, – возразил сэр Ричард.

– Что он делал? – спросил Ден.

– Он писал, – ответил сэр Ричард.

– Как ты думаешь, этот рассказ годится для детей? – обратился Пек к рыцарю.

– Расскажите, расскажите! – в один голос попросили его Уна и Ден.